

Александр Ёж

Диктофон

16+

Александр Ёж

Диктофон. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44390021

SelfPub; 2019

Аннотация

Иногда «более зелёная лужайка» соседей скрывает от глаз нечистоты и мерзости тех, кто за ней ухаживает. Иногда «всё нормально» скрывает нечто важное или нечто страшное. Иногда неудобный вопрос может сохранить что-нибудь важное. Или уничтожить. Задавать их или нет, каждый решает сам, как, впрочем, и что делать с последствиями подобных вопросов. В мире существуют сотни видов болезней, от бессимптомных до смертельных и миллионы лекарств от них – одни помогают, другие лишь облегчают боль, а может, нужно всего одно?

Содержание

Пациент 342	4
56,6	27
Образцовая семья	36

Пациент 342

День первый

Я включил диктофон.

– Здравствуйте, Николай Васильевич Павлов, пациент номер триста сорок два, присаживайтесь, все наши разговоры будут записаны на диктофон, для дальнейшего наблюдения, и оказания Вам помощи в скорейшем выздоровлении.

Мужчина сел на предложенный стул.

– Конечно, Вы доктор, Вам виднее, что и для чего делается, только диктофон уже устарел лет на пять.

– Ничего страшного, этот пока неплохо работает.

– Да, от батареек.

– Согласен, это можно назвать уже прошлым веком, после Ваших изобретений. И так начнём, расскажите немного о себе, кем работали, увлечения, предпочтения в жизни, принципы может быть, и как собственно к нам попали.

– Вы половину из этого и так знаете.

– Я-то знаю, всё для него, – я постучал карандашом по диктофону.

– Что ж, я инженер, не сказал бы что гениальный, до Тесла, Маска и да Винчи мне далеко. Но всё же мне удалось осуществить передачу электричества на расстояние, и с некоторой группой единомышленников мы запустили в мир нема-

ло изобретений, основанных на этом принципе. Да и в общем запустили беспроводное электричество в свет. Некоторые представленные нашей компанией батареи, кстати, можно установить в Ваш диктофон, если Вам это интересно.

Пока он рассказывал, глаза то и дело убегали куда-то за моё левое плечо, украдкой, но я заметил, там ничего не было, кроме серой однотонной стены, уж я-то знал, не первый год в этом кабинете работаю.

– Я поищу в магазинах, они ведь стоят копейки?

– Само собой, сейчас весь мир на этом работает, насколько я помню, они должны были появиться на прилавках по ценам в два или три раза меньшим, чем солевые. Но сейчас не об этом. В общем свою работу я назвал бы инженерной, в крайнем случае изобретательской. Из увлечений, не знаю, пожалуй, люблю кормить голубей, и уток, да, особенно уток, если у голубей кто первый схватил тот и наелся, то утки в большинстве своём прикармливают молодое пополнение. И люблю читать, без разницы что, научные журналы, желтую прессу, вывески, художественную литературу, если что-то попало на глаза, не оставлю без внимания. Из предпочтений в жизни, нет таких, не привязан к какой-либо кухне, месту проживания, образу жизни. По работе постоянно приходилось переезжать, менять часовые пояса, города, страны, пищу, места проживания, от хостелов до частных домов кого-либо из сотрудников. Цветок в горшке. А как я попал к Вам, – он замолчал на пару секунд, – у Вас курят?

– Да, держите, – я протянул ему сигарету, достал из стола пепельницу и зажигалку, прикурил.

– Что Вы знаете о мании?

– Маниакальный синдром характеризуется триадой симптомов: повышенное настроение, идеаторное и психическое возбуждение в виде ускорения речи и мышления, двигательное возбуждение. Для маниакального синдрома также характерно, но проявляется не всегда: усиление инстинктивной деятельности, повышенная отвлекаемость, переоценка собственной личности.

– Я сейчас не просил Вас зачитать статью из учебника по психическим расстройствам, что конкретно Вы об этом знаете и встречались ли в реальной жизни.

– Был как-то давно пациент с бредом величия, желанием установить новый мировой порядок, однако он как Александр Великий, или Чингисхан, попал немного не в то время, и его просто привезли сюда в смиренной рубашке, прописали курс таблеток и уколов, и спустя пару лет отправили работать в офис, после выздоровления. Это, пожалуй, всё, что я знаю о мании на своём опыте.

– Как у практикующего психиатра у Вас не такой богатый опыт, как я посмотрю. Хотя, всё относительно. Меня привели сюда мои коллеги, когда стало понятно, что работать как раньше я больше не могу. А случилось это после её смерти.

– Чьей смерти?

– Вот мы и подошли к вопросу моей мании, кто-то муча-

ется от преследования, которого нет, кто-то от желания править миром, моя мания в человеке. Даже после её смерти она всё ещё со мной, даже здесь, за Вашей спиной, подмигивает мне, улыбается, показывает язык и молчит, она мало разговаривала, всегда.

Я обернулся, как и предполагал, за спиной никого не было.

– Как её звали?

– Яна.

– Вы понимаете, что сейчас в комнате кроме нас нет никого?

– Прекрасно понимаю, она мертва уже несколько месяцев, но если я её вижу до сих пор, значит с моей головой что-то не так, это и стало причиной моего визита к Вам.

– Вы были сильно привязаны к ней?

– Привязан не то слово, она вдохновляла меня, успокаивала, жутко бесила порой и раздражала, у гуманистичеков это любовью зовется. Но может Вы от части правы, привязан тоже подходит, как цепной пёс.

– Как долго общались?

– Не знаю, может пять лет, может десять или пятнадцать, иногда было ощущение, что мы знакомы с самого детства, а иногда казалось, что не знакомы совсем, и я не знаю этого человека, как и она не узнавала меня. Проще говоря, мы знали друг друга очень давно, и в то же время, понятия не имели, кто находится рядом. Я думаю у большинства людей всё

примерно так же, девяносто процентов партнёров понятия не имеют о существовании другой стороны своего избранника, и это работает в обе стороны. Скелетов в шкафу никто не отменял.

– Как она умерла?

– Разбилась на машине, вместе с мужем.

– Так она была замужем?

– Это как-то влияет на моё состояние?

– Нет, никоим образом, просто я думал, что история у Вас будет немного проще.

– Проще. Проще бывает, наверное, только в книгах, которые я так люблю, там всегда счастливый финал. В жизни всё немного сложнее, вспомнить хотя бы историю Лили Брик и Владимира Маяковского. Моя отличается тем, что я не был в друзьях с её мужем, и даже не был знаком, думаю, достойный был человек, раз она его выбрала.

– Подробностей аварии Вы не знаете?

– Насколько мне известно, их подрезали, и они вылетели с моста.

– Вы были на похоронах?

– Нет, не смог. Морально, очень тяжело.

– Ходили на кладбище?

– Должны были сжечь, это было её желанием, не знаю, успела ли оформить это у нотариуса, или близкие забили и решили похоронить по старинке, в любом случае я не знаю, где она захоронена.

– Хорошо, отстранимся немного от Вашей болезни, какие свои или общие изобретения Вы помните?

– Об аккумуляторе я Вам уже рассказал, очень интересный предмет, он, по сути, не аккумулятор, а просто приёмник для электромагнитных волн, которые исходят от наших вышек, но тот факт, что мы смогли запихнуть его в размеры обычной батарейки, вызвал фурор.

– Большой фурор, на мой взгляд, вызвал тот факт, что ваша компания перевела на свои источники питания почти всю землю и при том почти бесплатно. Проблем со старыми поставщиками энергоснабжения не возникло?

– А причем тут поставщики? Они как добывали электричество из АЭС и ГЭС, так и добывают, суть в том, что они смотали все свои провода, и теперь не расходуют энергию на сопротивление проводников, всё просто. С многоэтажными домами были трудности по началу, надо было сделать либо один большой приёмник, либо производить много маленьких на каждую квартиру, что накладно.

– И вы пошли по пути наименьшего сопротивления.

– Естественно, были желающие поставить маленький приёмник, отдельно на свою квартиру, тут мы тоже не смогли отказать, но за эту услугу пришлось платить.

– Почему?

– Потому что идиотизм должен оплачиваться.

– Чей идиотизм?

– И наш, и потребителя, если человек вместо бесплатного

общего приёмника хочет поставить себе индивидуальный, то он идиот, так что пусть платит, а для нас это были лишние расходы. А наш идиотизм заключался в том, что мы вообще предоставили эту услугу. С частными домами всё оказалось проще, подключали посёлки целиком, и никто слова против не сказал.

– Полагаю, про приток денег спрашивать бессмысленно, инвесторы, те же поставщики энергетики.

– Всё верно, от желающих вложиться не было отбоя, всё-таки есть ещё люди готовые потратить миллионы на общее благо, а не на своё.

– Да, хорошо, что такие люди ещё присутствуют на этой планете. Думаю, на сегодня достаточно.

– Вам виднее, вы же доктор, завтра встреча?

– Думаю да.

День второй

Я включил диктофон.

– Добрый день. Пациент номер триста сорок два, присаживайтесь, – мужчина занял стул.

– О чём сегодня поговорим?

– Давайте начнём ещё с какого-нибудь изобретения, что первое приходит на ум?

– Первое, что пришло на ум, было вчера, передатчики и приёмники, всё остальное на их фоне игрушки.

– Кстати, вчера забыл спросить, а как отреагировала топ-

ливная промышленность на Ваши нововведения?

– Думаю, они не сильно разорились, нефтепромышленность потеряла в прибыли только со сторонних агрегатов, типа генераторов и дизелей, которые подпитывали частные дома и малые производства. В автомобильной промышленности наша технология оказалась полезной только для электромобилей, а их и сейчас маловато, в связи с ценами на них, а эта отрасль от нас не зависит ни коим образом. Что до других изобретений, пожалуй, достоин внимания прибор электромагнитной левитации, промышленного назначения он пока не получил, но есть все шансы. Приборчик небольшой, и грузы пока поднимает небольшие, основан на том же принципе беспроводной передачи электричества, пока у него исключительно эстетические функции, столик левитирующий, или стул. Пока бесполезная игрушка, потребляющая электричество, но, думаю, ребята найдут применение пока я здесь.

– Вероятно. А теперь давайте вернёмся к Вашей мании, что можете или хотите рассказать о Яне?

– Хочу рассказать очень многое, но есть ли в этом смысл. Это как-то поможет лечению?

– Конечно, Вы же, можно сказать, из-за неё сюда попали, как она выглядела?

– Ниже меня на голову, светлые волосы, они постоянно завивались и это её жутко бесило. Никогда не понимал, почему прямые волосы надо завить, а вьющиеся выпрямлять, не объясните, доктор?

– О, боюсь, нет, это очень сложный вопрос, и он не в моей компетенции, – улыбнулся я.

– Вот и я без понятия. Серо-голубые глаза, нос с горбинкой, родинка на шее, тонкие пальцы. Худенькая, маленькая.

– Какой-то собирательный образ вышел.

– Мне трудно описать внешность человека, которого я обожал не за внешность. И видел больше трёх лет назад.

– А что можете описать?

– Могу описать то, что я чувствовал, когда она была рядом.

– Попробуйте.

– Желание уберечь её от всех невзгод мира, укрыть от палящего солнца или дождя, носить на руках через лужи, сажать на колени в парке, читать ей что-нибудь вслух сидя под деревом на земле. Целовать руки и лоб, один раз обнять и больше никогда не отпускать. Это странно, как считаете? – глядя за моё плечо, произнёс он.

– Нет, что Вы, это вполне нормально.

– Для подросткового возраста, забыли добавить, док, мне уже почти сорок пять. Мне, кажется, не нормально в таком возрасте придаваться романтике.

– Понятие нормальности сильно исковеркано. Для примера пять лет назад было нормально заряжать телефон от розетки через специальные блоки и провода, пятнадцать лет назад было нормально иметь домашний телефон. Вы со своей лабораторией сдвинули эти понятия, телефон теперь во-

обще заряжать не нужно, он работает напрямую от сети. Это же можно применить и к нравственным рамкам, они сдвигаются со временем, если они вообще есть или были когда-то. Однополые браки, свободные отношения, сожителство, лет пятьдесят, семьдесят назад это было дикостью, сейчас это в порядке вещей. А романтика, она была везде, во все времена, в разных проявлениях. Как показывает практика, в этом заведении нормальных людей на много больше чем за забором. Почему Вы так давно виделись с Яной?

– Она погибла через несколько дней после нашей встречи.

– Очень жаль, и за пять лет Вы так и не смогли её забыть?

– Нет. Я пытался, заводил новые знакомства, но длились они не долго, новые девушки мне довольно быстро надоедали, не было в них чего-то, что было в ней. В каждой не хватало какого-то маленького штриха, но именно он и не позволял сойтись в целую картину. А когда разочаровывался в очередной из них, уходил с головой в работу, на полгода, иногда на год.

– Как она погибла?

– На собственной свадьбе, платье загорелось, ожог восьмидесяти процентов тела, врачи ничего не смогли сделать.

– Вы сказали на собственной, она выходила не за Вас?

– Нет, мы решили, что так будет лучше для нас обоих, и ошиблись.

– Вы были на похоронах?

– Нет, не смог.

– Видели могилу?

– Тоже нет, я не знаю, где её похоронили, хотя, вообще должны были сжечь, она так хотела.

– А Вы не думали, что стоит сходить к ней, и тогда она Вас отпустит? Она ведь до сих пор с Вами?

– Да, стоит за Вашей спиной и показывает мне язык. Она при жизни покоя мне не давала, периодически появлялась из ниоткуда переворачивала мою жизнь вверх дном и исчезала в тумане, как ёжик. А сейчас просто не отходит от меня ни на шаг, одно, что в кровать со мной не ложится, сидит в палате на стуле, и смотрит то на меня, то в окно. Бессмысленно, не отпустит, она никогда меня не отпустит, что бы я не делал, куда бы не убежал. Она всегда прощала и всегда возвращалась, может через месяц, может через год, или пять лет. А сейчас, после смерти ей вообще нечем заняться, кроме того, чтобы быть со мной, поэтому она не оставит меня.

– Вы понимаете, что сейчас, здесь кроме меня и Вас в кабинете нет никого?

– Да, она не в кабинете, она в моей голове, иначе, зачем бы меня сюда привели?

– Да, действительно. Я думаю на сегодня достаточно. До завтра Николай Васильевич.

– До свиданья, док.

День третий

Я включил диктофон.

– Добрый день, пациент триста сорок два.

– Привет, док. Опять с изобретений начать?

– Да, я приобрёл Ваш приёмник, поставите?

– А сами не в состоянии?

– Я не силён в технике, иногда даже с пультом от телевизора проблемы возникают.

– Как всё грустно, – он улыбнулся, – хотел бы сказать, что гуманитарии бесполезны, но по факту Вы мне оказываете помощь там, где, к сожалению, сам я бессилён со своим техническим складом ума. Отвёртки не найдётся? Ваш диктофон стар, на столько, что отсек с батарейками на шурупе.

– Есть карманный нож с отверткой, ножницами и кучей не нужных приспособлений, подойдёт?

– Да тут в принципе и сам нож подошёл бы. Но раз там есть отвёртка, замечательно.

Я достал из ящика стола нож и протянул мужчине.

– Всё ещё хуже, чем я предполагал, здесь стоит «крона», – покопавшись пару секунд, произнёс пациент.

– Ваш аккумулятор не подойдёт?

– Подойдёт, он подходит ко всему, что можно запитать, в этом его прелесть. Но он разных модификаций, как знаете, есть различное расположение батареек, параллельное, последовательное, для крон мы тоже сделали свой вариант, но Вы купили не тот, что нужен.

– Это проблема?

– Нет, если у Вас есть какой-нибудь ненужный кусочек

провода, немного фольги и клей, желательна эпоксидный.

– И всё?

– В идеале паяльник, но так как здесь Вы его точно не найдёте, то всё что перечислил.

Я опять открыл ящик стола.

– Есть провод от зарядного устройства, клей и фольгу сейчас спрошу на вахте.

– Отлично, пока я вожусь с проводом, можете сходить за всем остальным, я никуда не денусь, не переживайте.

Через пять минут у инженера было уже всё необходимое. А ещё через три он уже собрал и включил диктофон с новым источником питания.

– Вероятно, Вы слегка приуменьшили свою гениальность, – глядя на работающий диктофон произнёс я.

– Ни сколько.

– Вы только что подключили к диктофону конца девяностых годов элемент питания нового поколения, за несколько минут с помощью куска провода, фольги и клея.

– Это гениальность для Вас? Долгая и кропотливая работа, по созданию адаптивного приёмника тока, подключить его сейчас может любой ребёнок из кружка по физике знакомый с паяльником. Здесь нет гениальности. Для меня это всего лишь навык, видеть устройство и приблизительно знать, как оно работает, не более того. Для меня гениальность – это написание музыки, прозы или стихов. Из наборов всем известных звуков или букв создавать, что-то новое,

что ещё никто никогда не играл или не читал. Или обогнать век, в котором живёшь, как это сделали да Винчи или Никола Тесла. Или сделать свой век как его сделали Джобс и Маск, это гениальность.

– Для каждого свой критерий гениальности.

– Но для себя не смейте путать гениальность с обыденностью, ведь то, что для меня обыденность, для Вас показалось гениальным, умейте в этом разобраться и найти что-то действительно достойное на фоне куч мусора.

– А Вы хотите сказать, что разобрались? По Вашему мнению, каждое написанное или сыгранное является гениальным?

– Каждое достойно внимания, но гениальность присутствует далеко не везде, в каждом музыкальном жанре или письменном есть обыденность, когда будь то музыка или письмо, поставленные на поток. То есть создавалось не как что-то исключительное, с вложением туда переживаний, волнений, чувств автора, а как средство для зарабатывания денег, кинематограф сюда в принципе тоже можно отнести, слишком много посредственного и обыденного снимают, пишут, поют в наше время.

– Достойное мнение. Но Вы хотите сказать, что Вы наш век не сделали, как и они?

– Я хочу сказать, что это был не я один.

– А, Выши лавры не только Ваши, но и Вашей лаборатории, правильно я понимаю?

– Не совсем, – он взял со стола пачку сигарет, которую я выложил из стола перед началом беседы, вынул одну, прикурив, – моя лаборатория слегка поправляла и дополняла мои расчёты, грубо говоря, девяносто процентов всего, что мы выпустили в мир это моя работа.

– Теперь я совсем ничего не понимаю. Вы говорите, что девяносто процентов изобретений Ваши, но не Вашей лаборатории, тогда кто ещё в них участвовал?

– Она.

– Яна тоже инженер?

– Откуда Вы знаете её имя?

– Ваши сотрудники рассказали, когда привели Вас сюда, с некоторыми Вы видимо были очень близки, раз они её знают.

– Да, она была знакома с некоторыми из моих коллег.

– Была? Что случилось?

– Знаете, док, ей постоянно в чём-то не везло, совершенно в невероятных местах и моментах она умудрялась не увязываться настолько жестко, что другие неудачники нервно курили в стороне. Как-то она залезла на велосипед и сразу с него упала, при этом сломав два пальца. Погибла она примерно так же, поскользнулась в ванной комнате и разбила голову об порог душевой.

– Как давно это было?

– Около шести лет назад.

– И с тех пор Вы не пытались завести новые знакомства?

Или пытались, но ничего не выходило, потому что никто не

был даже приблизительно похож на неё?

– Пытался, но всё как Вы сказали, никто не был так на неё похож, как она сама.

– Печально. Так она помогала Вам в разработках?

– Не совсем так, или совсем не так.

– Поясните.

– Она меня на них вдохновила, все, что я изобрёл и к чему стремился, всё было ради неё.

– Но, вы почти ничего не заработали на этом.

– А кто говорил про деньги? Они ей никогда не были нужны.

– Тогда для чего это всё было?

– Док, Вы когда-нибудь меняли что-нибудь ради другого человека? Причёску, привычки, предпочтения в еде может быть?

– Да, была как-то одна, всё во мне ей периодически надоело, то, что я ем, что ношу, что слушаю.

– И что Вы сделали?

– По началу менял еду, гардероб, одних мертвецов в плере на других, когда пошёл второй или третий круг, когда ей опять всё надоело, я сменил номер телефона, город проживания и партнёра.

– Видимо всё совсем плохо было, раз пришлось город сменить?

– Не то что бы. Но как раз из-за неё я уже не смог оставаться на одном месте слишком долго, она приучила меня к по-

стояннoй смене окружающих вещей и людей, в целях внутреннего развития, а в итоге мы пришли к тому, что я сменил её, потому что она всё это время оставалась на месте.

– Хорошая шутка.

– Согласен. Что изменили Вы в себе для неё?

– Ровным счётом ничего. Во мне её почему-то всегда всё устраивало. То, что я курю, иногда пью, неказист внешнеюстью, постоянно ходил в каком-то непонятном барахле, старые растянутые ещё в институте футболки, рваные джинсы тех же годов, и то что у меня того и другого ровно две пары. На всё это ей всегда было плевать. Как и на деньги, ведь у средней руки инженера их почти никогда нет.

– Точнее сказать не было, пока Вы не стали инженером-изобретателем мирового масштаба. Только что её тогда не устраивало?

– Мир. Весь что вокруг. Его несовершенство и ущербность местами. Как то я приехал к ней в город, без предупреждения, никогда не любил предупреждать о визитах, мало ли что могло пойти не так, самолёт упадет, или поезд задержится. Так вот, стою на вокзале, жду её, а она больная в это время сидела на парах, поздняя осень была, холодно, сыро, все простывали, она не исключение. Но пришла, телефон её был на последнем делении батареи, чуть не разминулись тогда, из-за этого. И первое что она мне сказала после «здравствуй» было, «жаль, что нельзя заряжать телефон через воздух».

– Пока я менял себя ради своей пассивности, Вы меняли мир ради своей.

– Не уверен в правильности употребления слова «ради», правильнее будет «для». Вы хотели, чтобы ей было удобно в Вашем обществе, а я хотел, чтобы ей было удобно в мире. И неважно жива она или нет, это как исполнение последней воли, или желания, как надпись на обложке «посвящается...». Но в целом мысль верна, теперь я понятно объяснил суть того, кто и в чём участвовал?

– Более чем. Думаю, на сегодня хватит.

– До завтра, док.

– До свиданья.

День четвертый

Я включил диктофон.

– Здравствуйте, пациент триста сорок два.

– Привет, док. Вчера мы с Вами до изобретений так и не добрались, а я как раз вспомнил одно сегодня ночью.

– Рассказывайте, весьма интересно послушать.

– Как и любое большое предприятие, в своё время мы озаботились экологией, и опять же на основе нашего принципа, мы изобрели фильтр газов, выбрасываемых в окружающую среду. Пока остальные компании бились за чистоту топлива или сырья, на котором работал тот или иной агрегат, будь то завод или ДВС, различные регулировки впрыска и выпуска. Мы взяли за конечный результат, не важно какое топли-

во или сырье, важен процесс его выброса. И тут оказалось, что плотность наших электрических волн напрямую влияет на движение и окисление частиц, выбрасываемых различными видами топлива. Дальше всё пошло проще, лаборатория соорудила две установки, приёмную и передающую и получилось что-то вроде магнита для всего что выбрасывается в воздух, завихрения собирали все частицы в одно место, и там коксовались, кажется так этот процесс называется, из-за того, что кислород оказался невосприимчив к этим волнам, и спокойно выходил в атмосферу. Оставалось только прочищать фильтр иногда, а из этой гари и копоти получилось отличное удобрение, либо сжигать по второму разу, но уже в других областях.

– Для автомобильной промышленности Вы сделали то же самое?

– Абсолютно, только каждому автомобилисту проще купить новый фильтр, чем прочищать старый, малые размеры заставили нас внести небольшие коррективы в способ очистки, и в промышленном масштабе, на конвейере, это делать проще, чем вручную в гараже. Поэтому мы организовали пункты сбора и обмена фильтров, старые на новые, с небольшой доплатой, так сказать на издержки очистного предприятия.

– Как это изобретение оценила Яна?

– Откуда Вы её знаете?

– Вы рассказывали.

– Не помню такого, ну да ладно, на её машине мы его и тестировали. На удивление ни у кого из моей лаборатории не оказалось машин, а у большинства даже прав не было.

– Что же в этом удивительного?

– Побочная разработка была для автопрома, кто её предложил сейчас не вспомню, все единогласно поддержали, а в итоге ни у кого не оказалось личного транспорта, благо она не так давно получила права и купила машину, причём такую, чтоб было не жалко угробить, пока не научится ездить.

– Долго она сдавала на права?

– Больше двух лет, постоянно ей, что-то мешало, то сессия, то очередная болезнь, то отсутствие денег. Но в итоге сдала.

– На сегодня достаточно.

– Вам виднее док.

День пятый

Я включил диктофон.

– Николай Васильевич, день добрый.

– Привет док, что за папка у Вас?

– Это Ваша амбулаторная карта.

– А почему она такая большая? Я первый раз в подобных заведениях.

– Это не совсем так, точнее совсем не так. Девять лет назад, шесть, три года назад, сейчас, на протяжении десяти лет, с завидной регулярностью в три года, Вы проходите у нас ре-

абилитацию, в среднем по два, два с половиной года. Когда Ваш мозг стабилизируется, это происходит примерно на второй месяц приёма препаратов и общения с докторами, Вы уходите с головой в работу, не замечая, что вообще вокруг происходит, и где Вы находитесь, осознавая только то, что Вы делаете. Затем Ваши коллеги забирают Вас в лабораторию для проведения тестов и запуска изобретения в производство. Первый раз Вы прибыли к нам обычным инженером, после психического расстройства, из-за весьма болезненного расставания с Вашей пассией. Не знаю, каким образом, но Ваше подсознание умертвило этого человека, для Вас, хотя он жив и в добром здравии по сей день. С тех пор на протяжении двух лет Вы работали над своим источником питания, в нашей клинике. Как только результаты Ваших исследований попали к Вашим коллегам, они принялись за разработку и претворение в жизнь этой идеи. За последние девять лет вы провели вне этих стен в общей сложности полтора года, может чуть больше, и каждый раз как вы отсюда выходили, не смотря на все наши усилия, встречались с Яной, а усилий было приложено не мало. Мы просили её сменить город проживания, номера телефонов, аккаунты в социальных сетях, ничего из этого не помогало, всё равно вы находили друг друга, вплоть до недавней случайной встречи. Дальше следовало очередное болезненное расставание, которое отражалось в Вашем сознании, как смерть при каких – ни будь обстоятельствах. Выходя из стен лечебницы, с новым

изобретением Вы напрочь забываете о том, как попали сюда, сколько времени здесь провели, и кто был тому причиной. Вы помните человека, помните чувства, что к нему испытывали, и всегда пытались найти его снова, как и она, я полагаю. Только для неё Вы всегда были живы, с поправкой на реабилитацию сроком в два года.

– Так некоторые платы уходят в защиту, когда на них пойдёт напряжение не той размерности.

– Вам виднее, я не разбираюсь в технике.

– Док, так что в итоге?

– В итоге я могу вас выпустить хоть сейчас, но с условием того что Вы больше никогда не будете пытаться искать её и наладить с ней отношения. Потому что, как и любая плата, ваш мозг может когда – ни будь выгореть из-за подобных перепадов.

– Док, если я никогда не буду её искать, не буду предпринимать хоть что то, чтобы быть рядом с ней, не смотря на всё что со мной происходит, тогда в чём вообще смысл моей жизни?

– В Ваших изобретениях?

– Изобретения и разработки – это лишь работа всей моей жизни, но не сама жизнь. Я считаю, что девять лет не такая уж, и большая плата за те несколько месяцев. Умейте правильно расставить приоритеты.

– Что бы я Вам не говорил, Вы их уже расставили. Я сделал все, что было в моих силах, – я закурил.

Кто-то коротко постучал, дверь в кабинет открылась.

– Привет. Как ты

56,6

– Большинство людей говорят, что не помнят тот момент, то событие, или временной промежуток, в результате которого они оказались именно в этом месте, и стали теми, кем они являются сейчас. Я помню всё до мельчайших подробностей, – Андрей открыл дверь и вышел на балкон, как был, в одних шортах, отломил кусок сосульки с крыши и покрюшил её в кружку с водой, – с чего мне начать?

– Как говорят во всех подобных случаях, начинай с начала, – я, налил себе ещё кофе и плеснул две столовых ложки коньяка, накинул на ещё одно одеяло, – невообразимо холодно.

– Специально для таких гостей у меня здесь ящик коньяка, чайник и одеяла, – он улыбнулся, – с начала говоришь? Хорошо, это был две тысячи пятнадцатый год, помнишь ту вспышку лихорадки Дигма?

– Конечно, летальный исход в семидесяти процентах случаев, я думаю, весь мир помнит об этом.

– Ну вот тогда всё и началось, нашей компанией выпускников медфака, мы решили заняться разработкой вакцины. Нас было пятеро, Серёга, Антон, Маша, Ника и я, девчонки закончили с отличием, парни были просто отбитые, более бредовых и в тоже время гениальных мыслей я ни от кого

больше не слышал. Весёлая компания, на первом курсе мы познакомились, парни тогда поспорили с девчонками с соседней парты о том, что смогут вырастить ещё пару хвостов у крысы.

– Я подозреваю, что девчонками оказались, Маша и Ника?

– Нет, они тогда сидели в аккурат за парнями, и слушали всё что происходит, вообще старались сильно не отсвечивать, две тихони, с нехилым потенциалом как позже выяснилось.

– Кто победил в споре?

– Естественно, парни, только результат оказался не совсем таким как они ожидали, планировалось разветвить позвоночник в конце, чтобы с одного места торчало три отростка. Но как обычно это бывает, как хотелось не вышло, поэтому сделали, как смогли, один хвост они приделали в середине спины, а второй на шее. Отвратительная картина вышла.

– Все хвосты были активными?

– Естественно, только балансировка у животного нарушилась, и крыса даже перемещалась с трудом. Но не долго, через пару недель она приспособилась, и спор ребята выиграли, потому, как одним из условий было как раз то, что грызун сможет после этих модификаций хоть как-нибудь двигаться.

– На что спорили?

– А на что обычно спорят в этом возрасте? – Андрей заулыбался.

– Интим или выпивка.

– Совершенно верно, на ящик пива и поцелуй. Однако этим всё не ограничилось, этим двоим было мало, и они пришили крысе перепонки как у белки летяги.

– Бедное животное.

– Не то слово, крысы и так, к слову, довольно хорошо прыгают, но когда зверёк понял, что можно ещё и планировать, началось то ещё веселье. Но парням всё было мало, и они добавили к хвостам ещё пару перепонок, для лучшей манёвренности.

– Просто жуть.

– Ага, когда этот мутант после адаптации начал скакать по всей лаборатории, туда зашёл декан. Их тогда за малым не отчислили, за жестокое обращение с животными, но их опыты дали свои полезные плоды и дело замяли.

– А ты принимал какое то участие?

– И да, и нет, когда встал вопрос об их отчислении, я выдвинул идею как можно применить их опыты на практике, и какую из этого можно извлечь пользу.

– Что за идея?

– Они смогли пришить действующую конечность к живому организму, соединив все нервные окончания в нужном порядке, и обучить животное пользоваться ими, какая от этого может быть польза?

– Восстановление утраченных конечностей у животных?

– Совершенно верно, но не только у животных, человеческий организм сложнее, но как показывают опыты исто-

рии, нет ничего невозможного, и вероятно в ближайшем будущем, какая ни будь группа молодых идиотов, таких же как мы, сможет нормально пришивать утраченные конечности людям, без отторжения тканей или конфликтов ДНК.

– Ты слегка отстал здесь от жизни, сколько ты на этом ма-
яке?

– Около пяти лет.

– Года два назад уже пересадили кисти обеих рук.

– Значит, всё было не зря.

– Совершенно верно. Ты как-то далеко отошел от основ-
ной темы.

– Нет, с чего бы это? Если бы не наша безумная компания, я бы не оказался здесь, так что они по сути большая часть меня, таланты всех по-своему пригодились и результат пре-
взошел все ожидания, но само собой не без побочных эф-
фектов.

– Хорошо, но давай как-то ближе к сути.

– Если ближе к сути, то во время той эпидемии мы все
отправились в Африку, собственно к первоисточнику. Мне
кажется любой школьник в курсе, в результате чего повышается температура тела в случае заболевания.

– Конечно, организм начинает бороться с вирусом, выжи-
гая его точнее создавая для него условия непригодные для
жизни и размножения.

– Всё верно, мы выяснили, что эта лихорадка комфортно
себя чувствует даже при сорока двух градусах, что по факту

для человека уже смертельная температура.

– Кровь начинает сворачиваться.

– Не без этого, можно сказать это и было отправной точкой событий, которые, привели меня сюда. Мы начали с животных, голуби, их средняя температура сорок три с половиной градуса, при заражении этой лихорадкой, она поднималась до сорока семи, сорока девяти градусов, дальше организм птицы не выдерживал и животное погибало. Путём длительных махинаций, полученных из тех самых опытов с крысой, мы достигли температуры в пятьдесят два градуса для птиц. На этот раз мы не пришивали дополнительные крылья или хвосты, все операции проводились внутри животного, дополнительные органы, насыщение крови различными добавками. Но всего этого было мало, лихорадка всё равно выживала. Дополнительную сложность составляло то, что болезнь жила и при низких температурах, то есть в обратную сторону на понижение температуры путь был закрыт.

– Мне кажется большинство болезней выживают при отрицательных температурах, вспомнить те же древние, вирусы которые сохранились в первозданном виде в ледниках, и при повышении температуры опять становятся активными.

– Согласен, этот вариант мы исключили одним из первых проверив научным путём, при помощи зараженной крови и жидкого азота, лихорадка после разморозки ни в коей мере не потеряла свою активность. Мы пошли дальше. И за счет всё тех же присадок пришли к температуре в пятьдесят

шесть и шесть десятых градуса, она то и оказалась непригодной для существования вируса. Собственно как и все остальные болезни, которыми способен заразиться человек на данный момент и в ближайшем будущем. Дело оставалось за малым.

– Я бы так не сказал, подготовить организм человека к такой температуре не так-то просто.

– На тот момент у нас уже был опыт в повышении температуры животных, и поддержания их организма в работоспособном состоянии, так же была присадка способная поддерживать заданную температуру. Всё остальное для нас было делом времени. Любой даже малейший намёк на опыты над людьми был пресечён на корню местными властями, поэтому мы начали эксперименты над тем, кто был согласен на них.

– Ты один согласился?

– Нет. Сперва, малые дозы присадки, некоторые органы адаптировались, другие нет, Маша первая почувствовала сбой, из-за перегревов мозга у неё начались галлюцинации и мигрени, надо было либо дополнительно охлаждать мозг, либо ускорить ток крови по нему, оба варианта мы применили. Маше установили, радиатор в череп, специальная решетка из тех же материалов которые ставят после трепанации, вроде стальной пластины, но перфорированная и с большим теплообменом, мне достался дополнительный органический насос в основании черепа, что-то вроде искусственного сердца

только поменьше. Общее состояние улучшилось и мы продолжили. Следующее повышение присадки у Маши отразилось на печени, почках, и всём желудочно-кишечном тракте.

– А у тебя?

– У меня всё на много проще, у меня остановилось сердце.

Чем больше мы повышали дозу, тем больше сбоев было в наших организмах, и все они были различного вида.

– То есть по факту каждый организм по-своему реагировал на присадку, и не было какого-то общего плана по устранению последствий?

– Был. Прекратить эксперимент. И трое с этим согласились, из подопытных остался я один, за это время мы пришли к стабильной температуре в сорок семь градусов. Все дальнейшие модификации надо мной проводили под капельницей, ускоренный кровоток, температура тела и окружающей среды, всё было против нас. Парни намешали какую-то питательную смесь из всего что было под рукой, она то и не давала мне перегреваться больше чем надо, а за одно и подпитывала организм на сколько было возможным. Но вместе с повышением температуры дико ускорился метаболизм, за пару недель оставшихся опытов я похудел килограмм на двадцать, не сказать, чтобы меня это сильно расстроило, был довольно упитанным. Но если бы так же продолжалось и дальше я бы просто высох, либо, надо было постоянно есть, что в тех условиях было невозможно.

– И что произошло? Сейчас ты выглядишь вполне нор-

мально.

– Организм приспособился, мы так и не поняли каким образом. А потом это стало не важно.

– Разве совсем не было желания разобраться?

– Было, я даже здесь периодически возвращаюсь к этому вопросу. Но ответ так и не приходит в голову.

– А насос? Я видел твою шею и затылок и ничего лишнего там не нашёл.

– Мы убрали его. В течении этих двух недель мы модифицировали присадку, и добились стабильной температуры пятьдесят градусов, после повышения еще на один все дополнительные приспособления оказались ненужными, видимо организм привык к постоянному повышению температуры и перестроился.

– И что дальше?

– Ничего. Моя температура стабилизировалась на пятидесяти шести и шести, что было смертельно не только для Дигмы, но и для всех остальных известных бактерий, вирусов и даже для раковых клеток. Организм начал выдерживать любые перегрузки, мы повышали температуру до семидесяти градусов, но я чувствовал себя превосходно, буквально за пару часов в крови не оставалось и следа от большинства ядов. Для чистоты эксперимента я выпил литр машинного масла с тосолом, все переварилось и вышло естественным путём.

– Люди сотни лет изобретали лекарства от болезней, а до-

статочно было перестроить организм в условия не пригодные для них, что-то вроде прививки. Прививка от всего, панацея. Но всё же почему ты здесь?

– Тут оптимальная для меня температура.

– Вы изобрели лекарство от всего, оно просто бесценно.

– Мне кажется мы создали то, что сможет приспособить человека к условиям жизни на других планетах, но пока туда никто не сможет отправиться существует проблема перенаселения, природе нужна метла, к этому выводу в итоге пришли мы. А фармацевтическим компаниям нужны деньги, это нам вполне однозначно дали понять, когда мы пришли со своей разработкой в одну из них, намекнули на суды, апелляции, грозились надавить через прессу, обвинить в шарлатанстве. Как выяснилось наша панацея просто оказалась никому не нужна.

– Но когда ни будь настанет тот момент, когда она понадобится.

– Возможно, лет через двадцать или пятьдесят. Но как бы то ни было, я, пожалуй, подожду его здесь.

Образцовая семья

-Двадцать девятое, понедельник. Я приехал в гости к сестре, на неделю. Без предупреждения. И был весьма удивлён, что главный специалист в одиннадцать утра понедельника спит в своей кровати. Естественно она сказала, что у неё отгул, потому что в пятницу она закрывала квартальный отчёт и просидела над ним почти до утра, а в субботу утром как всегда поехала к нам. Но есть один момент, в эту субботу, как и во все предыдущие, с тех пор как она переехала, она приезжала в одинаково измотанном состоянии, она всегда ссылалась на то что плохо переносит дорогу за рулём и сильно устаёт. Теперь же появился квартальный отчёт, в целом было похоже на правду, так как раз заканчивается квартал, но здесь явно было что-то не так.

–Вечер того же дня. Ей постоянно кто-то названивает, во время каждого разговора она извиняется и выходит на балкон или в другую комнату. На сколько мне известно, нет таких должностей главного специалиста, которые начинают свою работу в восемь вечера. Да вообще нет ни одной нормальной конторы, в которой бы офисный планктон начинал работать вечером, значит, она где-то темнит, так же, как и я. Осталось выяснить где. Это был мой первый шаг на пути к необратимому.

– Тридцатое, вторник. Когда она ушла на так называемую работу, я поднял все свои старые записи и переписки, нашел компанию, в которой она работала, применил весь свой талант в наборе номера и попросил к телефону главного специалиста в этом городе, к телефону естественно подошел совершенно другой мужчина. Далее известная схема всем, тем, кто хоть раз искал пропавших людей, директор, взволнованный голос и вопрос где сотрудник такой то, ушел вчера на работу и не вернулся. Директор конторы в течение полуминуты перевёл меня на отдел кадров, и выяснилось, что данный сотрудник не работает в фирме уже как год, ровно с тех пор как она получила повышение. Моя сестра не обделена внешностью, стройная фигура, смазливое личико, почти девяносто, шестьдесят, девяносто. Город довольно большой, на этом собственно мои поиски почти прекратились.

– Вечер того же дня. С работы она пришла в начале девятого вечера, сослалась на пробки, поели, посмотрели кусок, какого-то бредового сериала, который она никак не могла досмотреть. И улеглись спать, предварительно она провела какие-то махинации с телефоном, толи отправила в полёт, толи обрубил звук.

– Тридцать первое, среда. Сделала вид, что кому-то позвонила и отпросилась, хотя может и реально отпросилась, только у кого. На ближайшие сутки продвижение в расследовании для меня было закрыто.

– Гуляем в парках, едим в дорогих ресторанах, катались

на электрических машинках, сходили в кино и покормили голубей. В общем, вели себя как нормальные родственники, которым выдалось провести время в относительном покое от серых будней и ненавистной, ой ли, работы.

– Вечер, того же дня. Всё тот же сериал, еда из ближайшего ресторана и те же махинации с телефоном.

– Первое, четверг. После её ухода я решил немного прибраться, а заодно поискать что-нибудь интересное, и нашёл, пятимесячные курсы массажа, диплом и все дела. В семье об этом никто не сном ни духом. Я знаком с разного рода заведениями, сауны, публичные дома, салоны эротического массажа, последнее настораживало меньше всего. Тем более при наличии диплома подобного рода, но на сколько я знаю, они не работают круглосуточно, часов с двенадцати дня, и примерно до двух трёх ночи. Даже с трех часов ночи до девяти, десяти утра вполне можно выспаться. Значит сестра работала в паре заведений, либо в эскорте. Ни в коем случае не собирался её за это порицать, она вполне взрослый человек и если ей нравится подобная работа, то это её выбор, это конечно не хлеб печь, но тоже нужный промысел.

– Обед того же дня. Ад скрывался глубже, в фотоальбоме. На одной из полок я увидел групповой снимок из пансионата в котором она частенько бывала, а в альбоме фотографии некоторых стариков и бабушек, видимо с их детьми, вся соль в том, что пятерых из шести я помогал выносить из пансионата и хоронить. Я достал все фотки со знакомыми лицами

уже ушедших людей, на обратной стороне разными почерками было написано быстро, на шестой фотографии медленно. Эта бабуля была ещё жива, на сколько я знаю. Теперь всё становилось более-менее ясно, новый мерседес, жильё в другом городе, а я ещё думал, что мне мало денег, да по сравнению с сестрой мои левые заработки – детские шалости.

– Вечер того же дня. Самое страшное, мне некому об этом рассказать. Кроме этого сраного диктофона.

– Четвёртое, воскресенье. Я буду продолжать вести свои записи с помощью диктофона. Сейчас поясню, как выглядела наша семья, для всех включая меня, до предыдущих записей.

У меня образцовая семья. Мы сортируем мусор, не шумим после десяти часов вечера, не собираем толпы пьяных дебоширов у себя во дворе, ходим на субботники, ездим на экологических автомобилях.

Отец достиг не малых высот в своей карьере он заместитель директора в одной крупной корпорации занимающейся металлом. Прокатка, ковка, отливка, проще говоря, все, что можно сделать с металлом или с его помощью, производится в этой компании. Отец примерно раз в месяц переводит довольно крупные суммы денег в детские дома и пансионаты, естественно с указанием адресата. Он любит так сказать внимание к своей персоне, ну или чтобы люди знали, кто им помогает и чувствовали зависимость от него.

Мать, занимается репетиторством иностранных языков, иногда по скайпу, а в остальные часы подрабатывает нянечкой у двух подруг, само собой не бесплатно. Бесплатно она раз в месяц готовит кучу еды: супы, пироги, мясо, отваривает килограмм пятнадцать картофеля, затем просит брата отвезти это всё в одно и то же место, и уже на протяжении нескольких лет кормит там бездомных.

Брат, удалённо работает программистом в одной из фирм, штампующих игры для ПК, по среднему заработку почти добрался до отца, женился несколько лет назад и теперь у него есть пара очаровательных ребятишек. С которыми раз в неделю сидит наша сестра. Пока брат с женой помогают в отлове бродячих животных и устройством их по различным приютам, в основном те же, в которые брат периодически перечисляет пожертвования.

Сестра, чтобы увидеть всех нас, собравшихся в одном огромном трёхэтажном доме, приезжает с соседнего города каждые выходные. Ей пришлось переехать, в связи с повышением до главного специалиста, очередной крупной конторы, название которой я вам тоже естественно не скажу. Благо ехать не далеко, около ста километров, её новый мерседес, купленный за собственные средства без каких-либо кредитов, справляется с этой задачей меньше чем за час, с учётом пробок. Сестра крайне равнодушна к старикам, и поэтому на добровольной основе в свободное время посещает пансионаты, приносит продукты, жертвует деньги, ухаживает за

пожилыми.

И наконец, я сам. Я стараюсь помогать всем в семье по мере возможности, и за её пределами, периодически, в отпусках участвую в гуманитарных акциях, нанимаюсь волонтером на ремонт исторических и общественных построек. У меня неплохая должность в отцовской компании, карьерный рост присутствует, денег на мои нужды тоже хватает, но, их никогда не бывает много, вам ли не знать. Поэтому я приторговываю наркотой, перекупаю и сбываю краденное.

У меня образцовая семья. Всё потому что в нашей семье не принято задавать друг другу вопросы. Нет мы разговариваем, за одним столом во время ужина, все, кто есть в доме, включая детей брата, делимся информацией, новостями с работы каждого, обсуждаем всё что угодно, кроме важного.

Никто, никогда, никого не спрашивает, о том, о чём действительно стоит спросить. За все свои двадцать семь лет, я ни разу не слышал вопроса от родителей, сынок, с тобой всё в порядке, как-то ты плохо выглядишь. От брата и сестры не поступало вопроса, мужик ты уже пол часа смотришь в одну точку, что с тобой. А всё это потому что все боятся встречного вопроса. Мама, почему я видел на твоей кухне стаканчик со странной пылью похожей на молотое стекло и упаковку крысиного яда, папа, а почему как-то на твоей рубашке один манжет был в крови, брат, сестра, а вы чего притихли, у вас всё хорошо?

Мы идеальны для общества и в обществе, для других чле-

нов семьи, может даже для самих себя, но не для меня. Черт меня дёрнул залезть в шкаф сестры и посмотреть на тварей, там обитающих, о нет, это не скелеты, это то что до сих пор живо и продолжает свой безумный путь. И я не собираюсь останавливаться, в этой семье давно что-то не так.

– Двенадцатое, понедельник. Подозревая что в этой семье проблемы не только у меня и сестры, я принялся за мать, и это мне понравилось ещё меньше.

– Тринадцатое, вторник. Я свалил с работы на несколько часов раньше обычного, дома почти никого нет, отец на работе, племянники в садике, брат на конференции по скайпу у себя в комнате и значит в ближайшие пару часов оттуда не выйдет. Мать больше всего времени проводит на кухне, когда не работает, хотя и иностранные языки она преподаёт здесь же. Это можно сказать её обитель, никто здесь ничего не трогает, а если что-то нужно спрашивают у неё, потому что найти даже тарелку на тридцати пяти квадратных метрах шкафов, полочек, тумбочек, плит и прочей дребедени, бывает просто невозможно. И так, у меня около двух часов, на изучение этого ада с двумя холодильниками и морозильной камерой, двумя электрическими варочными панелями и одной газовой, микроволновкой и тремя мульти варками, шесть навесных шкафчиков столько же встроенных.

– Чёрт, да здесь можно поселить небольшой цыганский табор, и здесь же на него готовить вместе с их лошадьми, за-

чем всё это матери непонятно, по моим средним подсчётам, за первый час проведённый на кухне, приборов и посуды у нас человек на тридцать пять, с полной сервировкой стола.

– Мне кажется на каждой кухне есть шкафчик с различной тарой, в которой лежат крупы, соль, специи, наша тара немного дороже остальных представителей своего класса. Красивые железные банки, продолговатой формы, на каждой отчеканен и раскрашен какой-нибудь пейзаж, в каждой что-нибудь да насыпано, в одной гречка, в другой рис, в третьей мука и пакет с небольшим блокнотом, в четвёртой горох и ещё один свёрток.

– Я быстро сфотографировал несколько страниц рукописи на каком-то из иностранных языков, что преподаёт мать скорее всего испанский, но не уверен. Собрал как было и вернул всё на места.

– Переводил тексты из блокнота, это оказалась почти маленькая поваренная книга анархиста. Не знаю откуда мать это взяла, но только на моих снимках было около дюжины рецептов по приготовлению различных ядов, быстрых, медленных, очень медленных, способных травить организм несколько лет и почти не оставляющих следов. Были и другие, например, сочетание веществ способных вызвать галлюцинации, мышечные спазмы, отёк лёгких. В общем полный комплект, сыпучих и жидких смертей и это только начало блокнота. Надо было проверить что во втором свёртке, но мне кажется теперь я и так знаю.

– Вечер того же дня. Она кормила бездомных, зачастую после их смерти даже вскрытие не проводят, не говоря уж о подробном анализе крови или каких ни будь тестах, статистика тоже я так полагаю отсутствует, искать концы бессмысленно, узнавать количество загубленных душ тоже, но имеет смысл узнать причину.

– Двадцать второе, четверг. Я добрался до её ноутбука.

– Пара приложений для обхода точек доступа, нормальные люди с их помощью смотрят фильмы, которые запрещены на территории государства, мать же, для доступа в даркнет, теперь понятно откуда столько убийственных рецептов приготовления картошки. А в тёмной сети мне попалась вкладка с лозунгом на испанском, сделаем мир чище. Углубляться дальше я не счёл нужным, какой-то очередной культ по борьбе толи за чистоту крови, толи планеты, что им сделали бездомные или другие представители голубого шара неизвестно, но абсолютно точно, что у матери в какой-то момент протекла крыша. Вот и причина. И эта женщина сидит с детьми своих подруг, учит иностранным языкам других детей, интересно что она им рассказывает?

– Четвёртое, среда. Брат и по всей видимости, его супруга. Долго раздумывать не пришлось, с какой стороны к ним подбираться, приют для животных, бродячие собаки и кошки, вопрос был только в том, что с ними происходило и каким образом.

– Пришлось подключить некоторые свои связи, ну как связи, пяток торчков, те попросили своих знакомых, в итоге у меня появилась своя агентурная сеть шпионов, за небольшую скидку на товар.

– Восьмое, воскресенье. Мне сообщили их маршрут, остановки и автомобиль, это был транспортер от фольцвагена. Не знаю где они его взяли, потому что ни брата, ни его жену, я ни разу на нём не видел, отравленную еду для бездомных они развозят на новой тундре, а как мне сообщили мои источники, тому фургону не меньше десяти лет. Либо аренда, либо у брата где-то есть ещё и гараж, чтобы его парковать, и судя по всему не маленький.

– Пятнадцатое, воскресенье. Подтвердили мои догадки о гараже, я попросил проследить за ними от дома. В паре километрах от приюта для животных, находится небольшой ангар, похожий на зернохранилище, туда подведено электричество, он приезжает туда на тойоте, и уезжает на фольцвагене, закрывая всё на несколько замков.

– Семнадцатое, вторник. Пришлось потерять свои ключи от дома, брат без задней мысли дал мне свою связку, а я сделал копии всех ключей что были на ней.

– Восемнадцатое, среда. Я попал в ангар. Изнутри все, даже бетонный пол, покрыто немалым слоем утеплителя и шумоизоляции, здесь можно даже зимой неплохо проводить время, особенно при наличии шести инфракрасных нагревателей на стенах. Несколько клеток разных размеров.

– Некоторые места в ангаре покрыты плотным слоем плёнки. Две большие морозильные камеры, огромный стол с кучей инструментов, от скальпеля до молотка, два прорезиненных фартука, средних размеров строительный шредер, для уничтожения отходов различного качества и три мясорубки.

– На втором этаже, построенном явно после возведения ангара, небольшой диван, стеллажи с несколькими десятком чучел собак, кошек, присутствуют даже их скелеты.

– В морозильных камерах фарш расфасованный по пакетам, похожие я видел дома, мать готовит из него для бездомных. Надеюсь, что ничего из приготовленного не попадает к нам на стол.

– Двадцать пятое, среда. С отцом всё однозначно будет сложнее. Дорости до заместителя директора компании не так-то просто, однако возможно, при наличии упорства, умения ходить по головам и достаточного интеллекта. Всё это в нём было, а значит раскопать его скелетов или почти невозможно или крайне трудно. В дело опять вступают мои глаза и уши в виде торчковой массы по всему городу, будут отслеживать его от работы до дома и обратно, на всех открытых мероприятиях, в кабаках и клубах, везде, где только возможно.

– Двадцать второе, вторник. Его увидели выходящим из паба в обществе мужчины лет тридцати, они сели в, знакомый доброй половине городских наркоманов, джип и поеха-

ли на работу к отцу, зашли через служебный вход, там абсолютно точно нет камер. Я думаю моё расследование можно считать закрытым.

– Двадцать третье, среда. Утром мне пришло смс от одного из наблюдателей, о том, что контору отец покидал один.

– Вечер того же дня. Наша фирма довольно больших размеров, есть офисное здание в пять этажей, так же есть несколько производственных зданий, в одном из них находится крематорий, так, во всяком случае, мы его называем. Печь для уничтожения мусора, туда попадает всё, пищевые отходы, канцелярия вместе с павшей оргтехникой, отработавшие свой срок сложные механизмы производства, естественно те, которые не подлежат переплавке, как-то там сжигали даже тушки наших бродячих собак.

– Двадцать четвёртое, четверг. По словам работника по утилизации температура внутри этой печи около полутора тысяч градусов, чтобы наверняка сгорало все, что туда попадает, кнопок управления четыре, погрузка, старт, стоп, выгрузка, справится даже полный идиот. Собственно, такое впечатление у меня и осталось об этом сотруднике, учёта мусора нет никакого, счётчики запуска, как и камеры, отсутствуют, кнопка выгрузка отправляет пепел в канализацию.

– Двадцать шестое, суббота. Начальник охраны вчера рассказал мне одну интересную вещь, зам директора имеет доступ во все помещения предприятия, в его ведении находится пункт охраны, так же он принимает участие в составлении

графиков дежурств и обхода территории. Идеальное сочетание обстоятельств. Или долгий и кропотливый путь к подобным возможностям. А может как раз этот путь и полномочия дали такой результат, этого я к сожалению, выяснить не смогу, отец расчетлив, умён, и явно не питает симпатий к обществам вроде, сделаем мир чище, как мать. А занимается он этим, абсолютно по той же причине, по которой отправляет пожертвования в пансионаты и приюты, потому что может.

– Сынок, пошли обедать, Ника уже приехала.

– Сейчас мам. У меня образцовая семья. И мы ваши соседи.